

Раз Вэнь Жунь так чётко выразился, что ещё могла сказать сваха Сунь?

Дело явно «накрывалось», и «вторая тётушка» не выдержала:

— Нет! Мы обязательно уведём Ван Мэй с собой!

— Да ты с ума сошла! — Вэнь Жунь уже не скрывал раздражения. — Посмотрю, кто осмелится похитить мою сестру!

Неужели думали, что он такой кроткий?

За его спиной два младших брата уже схватили по кухонному ножу и встали рядом с сестрёнкой, готовые защищать её.

Ван Мэй дрожала от страха, слёзы катились по щекам. Хотя она и была маленькой, но прекрасно понимала, что означает «тунъянси».

В памяти троих детей «вторая тётушка» навсегда осталась ведьмой — злой и жестокой женщиной!

Уйти с ней? Да не бывать этому!

— Я — её тётушка со стороны старшего дяди! Решаю я! — закричала «вторая тётушка», окончательно отказавшись от попыток договориться и решив действовать силой.

— Да кто ты такая?! — Вэнь Жунь был вне себя от ярости. Он стоял прямо, в простой, но аккуратной синей одежде учёного, и выглядел настолько благородно и непреклонно, что даже дышать стало трудно: — Наша семья даже повинности несёт отдельно от вашей — и вы ещё мечтаете распорядиться судьбой семьи Ван? Мечтайте дальше! Стоит вам переступить порог нашего двора — и мы тут же отправимся в уездный суд, где и выясним, где тут справедливость!

— Да ты, жена Ван Дачжи, совсем другое говорила! — вмешалась женщина из семьи Фэн, возмущённая. — Ведь договорились же: двадцать лянов серебром — и девочка будет тунъянси нашему младшему сыну! Ты уже деньги взяла — теперь не можешь просто так отказаться! Либо отдаёшь девочку, либо возвращаешь деньги!

Она ведь не зря пришла — Ван Мэй ей действительно понравилась.

И не только потому, что Вэнь Сюйцай так за неё заступался. Сама девочка была очень мила.

С тех пор как Вэнь Жунь пришёл в дом, он отлично заботился о детях: кормил их вкусно и

разнообразно, следил за чистотой и гигиеной.

Сейчас, правда, уже был Лицью («Установление осени»), но погода всё ещё стояла жаркая — прохладно было лишь по утрам и вечерам.

Ван Мэй уже не была той замарашкой с соломенными волосами. Её мягкие чёлочные пряди были аккуратно собраны в два пучка по бокам головы, чуть выше ушей. Вместо обычных верёвочек Вэнь Жунь перевязал их яркими лоскутками ткани и завязал симпатичные бантики.

Девочка стояла чистенькая, в аккуратной одежонке и маленьких туфельках, ручки у неё были белые и нежные — совсем не похожа на тех неухоженных деревенских ребятишек. Здоровая, опрятная, с большими глазами и двойными веками — кто бы её не полюбил?

А ведь семья Фэн уже заплатила за неё!

— Ты что несёшь?! — тут же отрезала «вторая тётушка». — Это же были деньги тебе за посредничество! К тому же все деньги уже потрачены — возвращать нечего!

Разве она сама хотела сюда идти?

Просто её сын снова проиграл в казино двадцать лянов! Какая семья выдержит такие потери?

Несколько дней назад он выиграл десять лянов — и с тех пор совсем сорвался. Потом проиграл десять, а вчера — сразу двадцать! Ростовщики пришли требовать долг и сказали: «Раз ты старый клиент — проценты простим, верни только основную сумму — двадцать лянов, и всё уладится».

А в доме осталось меньше тридцати лянов. Если она не начнёт искать деньги, что делать?

Муж, Ван Дачжи, уехал с караваном в город — за поездку зарабатывает несколько лянов, но разве этого хватит на сына-игромана?

С тех пор как сын пристрастился к азартным играм, их сбережения таяли быстрее, чем снег в трёхлетнюю стужу под палящим солнцем Саньфу!

— Так вот в чём дело! — Вэнь Жунь пришёл в неопишемую ярость. — Получили деньги и решили продать мою сестру?! Мечтайте!

Он обернулся к собравшимся односельчанам:

— Уважаемые старейшины и соседи! Она больше не имеет отношения к семье Ван и не имеет

права решать судьбу моей сестры! Пусть попробуют увести её силой — только через мой труп!

— Вэнь Суюцай, вы уж слишком резко выражаетесь, — вмешался в разговор дедушка Чжан, подошедший как раз вовремя и услышавший последние слова. Обычно добродушный и улыбчивый староста теперь был мрачен и суров: — В Ляньхуаао мало кто осмеливается так себя вести! Жена Ван Дачжи, как ты вообще сюда заявила? Разве не клялась, уходя, что «ни за что не вернёшься, даже взглянуть»? Вы уже достаточно навредили бедному Ван Цзюню — разве этого мало? Чего ещё хотите? Думаете, будто весь мир крутится вокруг вас? Считаете, что здесь можно делать всё, что вздумается? Что Ляньхуаао — ваша вотчина? Что законы Поднебесной и уездный суд — просто декорация?

Дедушка Чжан был всё-таки старостой. Пусть даже Ляньхуаао и была маленькой глухой деревушкой, он всё равно был здесь главным. Он бывал у начальника участка Ма, кое-что повидал на своём веку. Да и сын его служил в уездном городе. А уж Вэнь Суюцай... Он ведь учёный! Обучает детей грамоте — а это значит, что у них в будущем будет ремесло или даже карьера, и не придётся всю жизнь копать в земле!

Семья Ван Дачжи покинула Ляньхуаао ещё двадцать лет назад. По правде говоря, их отъезд был почти что предательством по отношению к деревне.

Они даже не сообщили о своём новом месте жительства трём выданным замуж дочерям... С тех пор вся связь с ними прервалась.

Ляньхуаао была небольшой — всего десяток дворов, чуть больше ста жителей, и лишь двадцать с небольшим детей. Все они учились у Вэнь Жуня. А он относился к ним по-доброму: хоть занятия и длились всего полдня, дети усердно занимались. По крайней мере, теперь они уже не были безграмотными «слепцами» — и вся деревня стояла за него горой!

— Дедушка Чжан, я... я просто хотела предупредить их, — запинаясь, заговорила «вторая тётушка», не осмеливаясь спорить со старостой. Ведь он — глава деревни! А если он пойдёт к начальнику участка, тогда уж точно начнутся неприятности.

Ведь ещё тогда, при разделе имущества, именно Ма, начальник участка, и дедушка Чжан выступали посредниками — и всё разделили честно и справедливо.

— Благодарю за заботу, — холодно ответил дедушка Чжан, — но это дом семьи Ван, а не твой. Ты здесь не хозяйка. Возвращайся домой и больше сюда не приходи. Иначе Вэнь Суюцай подаст жалобу в уездный суд. Как думаешь, чьи слова выслушает уездный судья — твои или его? Ты ведь и иероглифов-то не знаешь! Я даже не стану объяснять тебе законы и уставы — но уж слишком ты бесстыжая! Я слышал, зачем вы сюда пришли. Разберитесь со своими делами сами и не трогайте семью Ван. Здесь теперь хозяин — Вэнь Суюцай, а не трое сирот, которых ты можешь гонять и унижать безнаказанно!

Он бросил взгляд на женщину из семьи Фэн:

— И ты уходи. Передай своим, чтобы забыли про эту затею с тунъянси! Если осмелитесь прийти сюда силой — знайте, Ляньхуаао не из тех мест, где можно безнаказанно хулиганить! Кстати, я прекрасно знаю вашего младшего сына — тот самый мальчишка-дурачок, который в таком возрасте ещё мочит постель! Не можете найти ему жену — так не надо лезть за ребёнком в чужой дом! Совсем не туда полезли!

Услышав это, Вэнь Жунь окончательно вышел из себя.

Ага! Так этот «жених» не просто ребёнок, а ещё и умственно отсталый!

— Тогда возвращайте деньги! — резко заявила женщина из семьи Фэн, сразу сменив тон. — Целых двадцать лянов серебром! Не думайте, что сможете отвертеться!

«Вторая тётушка» скривилась, как будто ей дали горькое лекарство:

— Деньги уже потрачены...

Те тридцать лянов, что остались в доме, трогать было нельзя — это был их последний капитал. Да и где именно муж их спрятал, она и не знала!

Муж боялся, что «слишком добрая мать испортит сына», и потому никогда не говорил ей, где хранятся сбережения.

Он оставил ей лишь несколько лянов да немного медяков на хозяйство. Она и старалась не давать сыну слишком много, но кто знал, насколько коварны казино?

Там столько уловов и ловушек — триста шестьдесят пять дней в году, каждый день новая схема! Сколько бы богатства ни было — всё равно проиграешь до последней копейки. Пока не высосут из тебя всю кровь и костный мозг — не остановятся!

<http://bllate.org/book/15642/1398038>